

Краеведческий оптимизм Кузнецова

ДЕЛО ЖИЗНИ

Хмурым ноябрьским днём 1958 года в Ярославле хоронили Николая Васильевича Кузнецова. Траурная процессия была огромная – уходил он без времени – в 56 лет, оставляя любимый музей, коллег, друзей, учеников, читателей. Он был своим среди музейщиков, учёных, художников, писателей города. Его запомнили весёлым и добрым человеком, не унывающим ни при каких обстоятельствах, одним своим присутствием утверждающим радость бытия. На Туговой горе в память о своём товарище дали прощальный залп охотники, вместе с которыми за тридцать лет были исхожены едва ли не все дороги края. Отделу природы музея, который он создал и которому отдал всю свою жизнь, присвоили его имя.

Всё это было ровно полвека назад. Тогда его знал весь город. Кто сегодня помнит Кузнецова? Немногие. Можно сетовать на короткую память, на человеческую неблагодарность, но так уж устроен мир – память о поколении уходит вместе с поколением. Наверное, лучше, пользуясь круглой датой, вспомнить интересного земляка почтительным словом, а тем, кто даже не представляет, что за уникал подарил городу известную каждому с детства экспозицию природы, представить: «Знакомьтесь, Николай Васильевич Кузнецов».

«Я пошёл по охотничьей тропе от порога деревенского дома, в горнице которого висело тяжёлое шомпольное ружьё с надписью на планке: «Ижевский завод. Василий Петров». Стволы старинной шомполки своеобразно направили мою жизнь, а дробинки первого выстрела, врезавшись в мишень, остались в памяти, как подтверждение безоговорочного решения деда: «Быть тебе охотником», – так писал о себе в одной из книг Николай Васильевич. В восемь лет он уже охотился с дедом в мышкинских лесах – сюда, на родину родителей в село Фроловское мальчик приехал каждым летом из Петербурга. С первых шагов юного охотника было ясно – его стремление к познанию природы гораздо сильнее, чем страсть охотника. Раньше, чем научился правильно писать, в коробке конфет он сделал «насекомую коллекцию». Когда стал постарше, смастерил книгу о птицах. Собственные рисунки подкрепил описанием каждой птицы – где живёт, чем питается, как вьёт гнездо. В Петербурге, к ужасу родителей, завёл в квартире не только чижей, канареек и кроликов, но даже жаб и ужей.

Но его природного предназначения в семье никто не заметил, и Колго отправили учиться в коммерческое училище. Интерес к коммерции в нём так и не прояснился, зато дорога домой ежедневно превращалась в путешествие по охотничьим магазинам. В пятнадцать лет он окончил в Петрограде частные курсы препараторов и уехал работать в мышкинский музей.

В 1924 году он переехал в Ярославль, где и началась его служба в музее. Естественный отдел в то время представлял собой кунсткамеру: отовсюду были собраны разные удивительные экспонаты – редкие морские раковины, чучела тропических птиц, огромные бивни. Но все они не имели никакого отношения к природе и животному миру нашего края, и как только Николай Васильевич возглавил отдел, решил в корне его поменять – в экспозиции рассказать о родных лесах, лугах и их обитателях.

Бюджет музея в 20-х годах позволял разве что не умереть с

провождать показ длинными этикетками, которые до конца не прочтёт ни один посетитель. Позднее все свои советы – по изготовлению и сохранению чучел, по созданию диорам и их монтажу – Кузнецов оформил в книги, которые стали незаменимыми помощниками для музейщиков нескольких поколений. Не утратила и теперь своей ценности книга «Животный мир Ярославской области», написанная им вместе с доцентом педагогического института, кандидатом биологических наук И. И. Макковее-

ровов быстро исчезали под войдой вместе со всеми их обитателями. Даже такие хорошие пловцы, как лоси, иногда гибли, выбиваясь из сил среди всплывшего мусора, сучьев и брёвен». Нетрудно представить, что чувствовал Кузнецов, глядя на картину гибели всего живого. Конечно, о своём отношении к происходящему он тогда не мог написать. Хотя в гражданской смелости ему не откажешь. Известно, что когда в Москве решался вопрос о сносе Любимого в городе Храма Ильи Пророка, Николай Васи-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

голода его немногочисленным сотрудникам, но не располагал никакими средствами для строительства экспозиции. Кузнецов и не думал сдаваться обстоятельствам – а руки на что? Убил волка, сделал чучело, понёс его показать старым охотникам – хорошо ли? Известный в те годы охотник А. А. Вестин спросил его: «Молодой человек, кто это?» «Глухарь», – не растерялся обиженный Кузнецов. Но все замечания учёл, чучело переделал, и у отдела природы появился первый экспонат.

Молодой музейщик поставил перед собой цель – сделать отдел природы настоящим окном в живой мир. Не просто посадить в один ряд волков, зайцев и медведей, а показать их в естественной обстановке, «подсмотреть» их жизнь. Так он подошёл к созданию диорам – окон в живую природу. Для своего времени это было настоящим музейным открытием – до Кузнецова никто так животных не показывал.

С ружьём за плечами исходил он все охотничьи уголья края, иногда не заходя в музей по несколько месяцев. А когда в музее появились первые диорамы, к нему потянулись учиться музейщики отовсюду: из Казани и Якутска, из Сыктывкара и с Дальнего Востока. Чему их учил Кузнецов? Прежде всего – наблюдению за природой, её познанию.

От музейного сотрудника он требовал строгого соблюдения жизненной правды. Можно ли верить диораме, где дрозд поёт на ветке, в то время, как под деревом ходит лисица, или если весенний селезень показан вместе с выводком июльских утят, или зимняя куница охотится за летней белкой?

Кузнецов учил избегать ложной красоты, не советовал со-

вой. Кроме этих званий у Ираиды Ивановны было ещё одно – жена Кузнецова. Во всех его делах, во многих экспедициях она – первый и главный помощник. Николай Васильевич шутиливо называл её «мой егерёк». Только в годы войны, когда Кузнецов был отправлен не в действующую армию, а в лес – отстреливать лосей и заготавливать мясо для фронта, они расстались надолго.

Дар художника – ещё одна из граней таланта Николая Васильевича. Кисти с мольбертом Кузнецов всегда брал с собой в любую экспедицию и пользовался ими не реже, чем ружьём. Блокнот писателя тоже всегда был с ним. Сюжетами его небольших рассказов становились истории, случившиеся с ним на охоте. В 40-е и 50-е годы в Ярославском книжном издательстве вышло несколько сборников рассказов Кузнецова. В них – удивительно тонкое понимание природы, интересные наблюдения за поведением животных. Особенная любовь – к собакам, которые не раз выручали его в трудных ситуациях и даже спасали жизнь. Все его рассказы написаны очень простым языком, легко читаются. К сожалению, с тех лет книги Кузнецова больше не переиздавались и стали библиографической редкостью. Из них можно узнать о таких уникальных явлениях, как, например, затопление Мологи. Он наблюдал за поведением птиц и животных, оказавшихся на дне будущего моря, помогая им, если была возможность.

«Всюду, где сохранился хотя бы кусочек суши, встречалось много интересного. Десятки животных искали убежища, перебираясь с кошки на кошку, с сучка на сучок... Привычка к родным местам для многих из них стала губительной. Многие из этих ост-

льевич забрался на колокольню и там закрылся, полагая, что с ним местные власти храм не взорвут. Только когда из Москвы пришло распоряжение – считать этот храм памятником архитектуры и оставить на площади, он спокойно покинул свой пост. Этот поступок Николая Васильевича стал одной из легенд того непростого времени, в котором ему выпало жить».

В музее-заповеднике имя Кузнецова помнят – к 50-летию со дня его смерти в одном из залов отдела природы открыли выставку, посвящённую жизни и творчеству этого неординарного музейщика. Её автор Наталья Перфильева так говорит о работе над своей первой выставкой: «Нам хотелось показать цельного человека. Поразительно, сколько же разных граней таланта подарила ему природа! Художник, скульптор, таксидермист, писатель, музейщик. Всё связала воедино его любовь к природе: и работу, и творчество, и семью. Вот из этого мы исходили при строительстве выставки». На стенах – уникальные фотографии, сделанные когда-то самим Николаем Васильевичем. Наводнение в Ярославле после дождя, сваленные апрельской бурей кедры на Толге – их удалось напечатать со стеклянных негативов, которые много лет пролежали в фондах музея. Здесь и рисунки Кузнецова, и его книги, и музейные экспонаты, безупречно выполненные уверенной рукой таксидермиста. Есть и фотография с известным каждому из нас огромным медведем, который более полвека охраняет вход в отдел природы, носящий имя Николая Васильевича Кузнецова.

Марина ШИМАНСКАЯ.